

СВОЕ И ЧУЖОЕ В СТРУКТУРЕ ПЕРМСКИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Г.В. Федюнева,
главный научный сотрудник
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
fedyleneva@mail.illhkomisc.ru

Известно, что разряд отрицательных местоимений в разных языках мира формируется достаточно поздно или отсутствует вовсе. Известно также, что в финно-угорском праязыке этого разряда не было. Отрицание выражалось особой акцентуацией вопросительных слов, их сочетанием с отрицательными глаголами, строем и актуальным членением предложения в целом. Об этом свидетельствуют современные финно-угорские языки, в которых значение отрицательных местоимений передается различными способами.

Так, в прибалтийско-финских и мордовских языках в функции отрицательных местоимений до сих пор выступают неопределенные, иногда вопросительные, напр.: фин. *istuttiin mitään puhumatta* «сидели, ничего (букв. что-либо) не говоря»; морд. *кияк эзь корта* «никто (букв. кто-либо) не говорил»; *сон мезеяк а соды* «он ничего (чего-то) не знает». Однако в процессе исторического развития в большинстве языков появился разряд отрицательных местоимений, которые формировались в основном путем осложнения первичных местоименных корней различными элементами как собственного, так и неисконного происхождения (Майтинская 1969: 263; 1979: 228 и др.). Поскольку процесс этот происходил (во всяком случае завершился) в отдельной жизни языков, картина соответствий выглядит

весьма пёстрой, а идентификация структурных элементов, соответственно, вызывает большие затруднения.

Не составляют исключения и пермские отрицательные местоимения, в структуре которых обнаруживаются разные по времени и происхождению элементы.

1. Префиксы коми *не-, ни-, нинё-* ~ удм. *ни-, не-, но-, нено-*.

Пермские отрицательные местоимения последовательно образуются от вопросительных с помощью префикса: кз. кп. кя. *не-, ни*, удм. *но-, не-* напр.: кз. *некод* «никто»; кп. *некин* «никто», *некёда* «ни тот, ни другой»; удм. *нокин*, диал. *некин* «никто»; *номыр, нема, немаин* «ничто, ничего», *нокудзы* «никоторый» и т.д.

По мнению Б.А. Серебренникова, в целом, они являются кальками с русских отрицательных местоимений с приставками *не-* и *ни-*, но «на удмуртской почве *не-* превратилось в *но-*» (Серебренников 1963: 211). В.И. Лыткин, напротив, утверждал, что эти частицы не могут быть русскими заимствованиями, поскольку регулярное соответствие коми *e* > удм. *o* – очень древний процесс; он имел место задолго до того, как пермяне встретились с русскими. В индоевропейских языках также имеется аналогичная частица, но она свидетельствует об очень ранних доуральских контактах финно-угров с индоевропейцами (Лыткин 1995: 61).

На мой взгляд, эти версии не являются взаимоисключающими.

Заимствование отрицательных частиц и в целом процесс формирования разряда отрицательных местоимений по русскому типу наблюдается во многих национальных языках России¹, в том числе и пермских (Лудыкова, Федюнева 2003: 137–139). Этот процесс хорошо прослеживается и сегодня. Так, в ижемском диалекте коми-зырянского языка и коми-язьвинском наречии, которые оказались под наиболее сильным русским влиянием, *e*-овой огласовке других диалектов соответствует устойчивая *и*-овая огласовка, напр., кз. иж.: *никод* «никто», *никутиэм* «никакой», *никудз* «никак», *никор* «никогда», *никодныд* «никоторый из вас», *никытён* «нигде, негде», *никытчö* «никуда, некуда» (лит. *некод* «никто», *некутиэм* «никакой», *некыдз* «никак» и т.д.); кя. *никин* «никто», *нимай* «ничего», *никудик* «никоторый», *никудним* «никоторый из нас». В удмуртских диалектах наряду с

---

¹ Из прибалтийско-финских он зарегистрирован в карельском и вепском языках: кар. *ni·ken* «никто», *ni·mi* «ничто», вепс. *ni·miite* «никакой», *ni·kudam* «никоторый». Саамские местоимения *n'ik'e* «никто», *n'im'i* «ничто», *n'ikoz* «никуда», *n'iken* «ничей», *n'imen* «ничего» и т.д. также образованы по русским моделям. Мордовские диалектные примеры вроде эрз. *немезе* «ничего», *некосто* «неоткуда», как и их русские аналогии, не имеют номинативных форм. Частица *ни-* в марийских местоимениях вроде *нимо* «ничто», *нигудо* «никоторый», *нимолан* «незачем», *нигузе* «никак» и т.д. также является заимствованной.

приставкой *но-* также зарегистрированы приставки *не-* и *ни-*: удм. *бес.:* *некинъ* «никто», нч. *немыр* «ничего, ничто», кукм. *нинокинъ* «никто» и т.д. Понятно, что русские приставки *не-/ни-* проникали в коми и удмуртский языки самостоятельными путями, в период их отдельной жизни.

Вместе с тем в составе пермских местоимений имеются и более древние структурные элементы, хотя происхождение их не до конца ясно.

Прежде всего, уточнения требует вопрос, какие именно элементы коми и удмуртского языков следует сопоставлять в качестве исконных? Коми *не-/ни-* и удм. *но-/не-/ни-*? Или только коми *не-/ни-* и удм. *ни-/не-*? Чтобы исключить (насколько это возможно) фактор русского влияния, в дальнейшем префиксальные частицы *не-/ни-* я буду считать русскими или, если угодно, русифицированными элементами в обоих языках.

Отдельную историю, по-видимому, имеет удм. префикс *но-*, который сравним с коми *-нӧ-* в составе сложного диалектного суффикса отрицательных местоимений *нинӧ-*, *нине-*: скр. *нинӧ-код*, уд. *нинӧ-кодӱ*, вв. *нине-код* «никто», скр. *нинӧ-кодар*, уд. *нинӧ-кодор* «никоторая сторона», скр. уд. *нинӧ-кодныд* «никоторый из вас», скр. уд. *нинӧ-кор* «никогда», вв. уд. *нине-кор* «никогда», скр. уд. *нинӧ-кӧн*, вв. *нине-кӧн* «нигде», скр. сс. уд. *нинӧ-кутшӧм*, вв. *нине-кутшӧм*, скр. *нинӧ-кыдз*, уд. *нинӧ-кудз* «никак», скр. уд. *нинӧ-кысь* «ниоткуда», скр. уд. *нинӧ-кытӱ* «ни по какому месту» и т.д.¹ Соответствующие местоимения верхневычегодского диалекта имеют усиленно-отрицательное значение, напр.: *нине-код* «абсолютно никто», *нине-кутшӧм* «абсолютно никакой», «совсем, совершенно»: *нинекутшӧм оз тӧд* «совершенно ничего не знает» (ССКЗД: 237; ВВД: 98).

Очень похожее плеонастическое образование *нено-* зарегистрировано и в удмуртских диалектах, напр.: *бес. некинъ* ~ *нокинъ* ~ *ненокинъ* «никто», *нокудиз* ~ *ненокудиз* «ни тот, ни другой», нч. *немыр* ~ *неномыр* «ничего, ничто». Ср. также лит. разг. *нено-кин* «никто», *нено-куд* «никто», *нено-кӧня* «несколько», *нено-кытын* «нигде», *нено-кытысен* «ниоткуда» и т.д. В кукморском диалекте приставка имеет *и-*овую огласовку, напр., *нино-кинъ* «никто», *нино-кызьы* «никак» (Кельмаков 1998: 139).

Видимо, префиксы коми *нинӧ-* ~ удм. *нено-/нино-* в приведенных местоимениях могут быть рассмотрены в одном контексте, по крайней мере, этимологи не исключают такой возможности (КЭСК: 192). В их структуре выделяются сопоставимые элементы: заимствованные из русского языка

---

¹ Возможно, эти формы имеют отношение к бытующим в северно-русских говорах неопределенным местоимениям, вроде *кто-нинабудь*, *что-нинабудь*, *какой-нинабудь* и т.д. (об этом: Федюнева 2008а).

приставки *не-/ни-* и компонент *нӧ- ~ но-*¹, который как регулярное фонетическое соответствие может быть возведен к общепермскому источнику.

В коми языке частица оказалась почти полностью вытесненной или была нивелирована поздним русским влиянием. Промежуточный этап этого процесса, возможно, сохраняется в одном из удорских говоров, где префикс имеет форму *ниӧ-* уд. (Мез.): *ниӧ-кодӧ* «никто», *ниӧ-кӧн* «нигде», *ниӧ-кор* «никогда», *ниӧм* «ничего» и т.д. (ССКЗД: 242).

Если это так, каков был статус элемента *нӧ- ~ но-* в прошлом?

К.Е. Майтинская считала, что удм. *но-* является рефлексом финно-угорской отрицательной частицы, восходящей, в свою очередь, «к уральской указательно-местоименной основе **и*». К этой же частице она возводит элемент *-нӧ-* в коми слове *нинӧм* «ничто, ничего» (Майтинская 1979: 229–230; 1982: 148).

Однако, по мнению авторов MEsz, слова с элементом **и* в финно-угорский период и даже позже не могли быть отрицательными, поскольку отрицание выражалось в предложении отрицательными глаголами. Следовательно, элемент *нӧ- ~ но-* еще в общепермское время был основой указательного местоимения, а отрицательную коннотацию приобрел уже в отдельной жизни пермских языков под русским влиянием (MEsz: 465).

2. Коми *нем ~ *нӧм* «ничто, ничего».

Решение вопроса о древности финно-угорских отрицательных частиц с элементом **и-(и'-)* осложняется наличием в угорских и пермских языках фонетически близких единиц с ауслатным элементом *-м*, происхождение которых остается дискуссионным.

2.1. **Основа *нем*.** Пермские слова: коми *нем* «ничто» и удм. *нема* «ничто» сравниваются с венгерским *нет, нёт* «нет, не» и обско-угорскими префиксами отрицательных местоимений (хант. *нэм-*, манс. *нэм-*). Обычно говорят об их общем финно-угорском источнике, отмечая, что фонетически близкие формы имеются также в самодийских языках (КЭСК: 187; Основы 1974: 295; Майтинская 1979: 230 и др.).

Гипотеза не кажется мне безупречной, по крайней мере, что касается пермских соответствий.

Прежде всего я исключила бы из этого ряда удм. *нима*, которое, по видимому, является поздним образованием² по нормальной русской модели *ма* «что» → *нима* «ничто», ср. мар. *ни-мо*, кя. *ни-май*, морд. *не-мезе*, кар. *ни-ми*, сельк. *ни-қай*, чув. *ни-мён* и т.д. «тж.». Привлечение коми *нем* в

¹ В среднезападных и некоторых южных говорах префикс выступает в форме *нӧ-*: *нӧкин*, *нӧкытын*, *нӧкызыы*, *нӧкӧня* и т.д. (Кельмаков 1998: 139).

² Это слово даже сравнивали с восточнославянским *нема́* [Основы 1974: 295], что не так уж бесперспективно, если учесть его принадлежность к разговорно-бытовому стилю.

качестве соответствия угорским *net* ~ *nēt*- тоже требует дополнительной аргументации.

Во всех коми языках *нем* выступает в качестве самостоятельного отрицательного слова со значением «ничто, ничего»: *нем жалиттӧг* «безжалостно, букв. ничего не жалея», *немӧ воны* «превратиться в ничто», *нем оз вӧч* «ничего не делает», *нем виччысьтӧг* «совершенно неожиданно, букв. ничего не ожидая» и т.д.; кп. *нем* «ничто»: *нем этаись оз пет* «ничего из этого не выйдет», *нем туйӧ пуктыны* «ни во что не ставить, букв. класть в ничто» и т.д. По своему значению и употреблению оно полностью соответствует слову *нинӧм*. В современном языке эти слова абсолютно взаимозаменяемы, с той лишь разницей, что форма *нем* более характерна для спонтанной (стремящейся, как известно, к краткости) речи, напр.: *нинӧм эз вай/нем эз вай* «ничего не принес», *нинӧм абу/нем абу* «ничего нет» и т.д.

Это наводит на мысль о ее происхождении в результате редукции *нинӧм* > *нем*. Косвенным свидетельством в пользу этого служит то, что в коми-пермяцком языке, а также некоторых коми-зырянских диалектах краткая форма полностью вытеснила отрицание кз. *нинӧм*, кя. *нинӧм* «ничего, ничего» и выступает в качестве единственного отрицания, напр.: кп. к-иньв. *нем эзӧ вайӧ* «ничего не принесли»; *ме немись и некинвись оз пов* «я ничего и никого не боюсь»; н.-иньв. *нем на оз вежӧртӧ* «ничего они не понимают»; *сӧйны ни пасьтавны нем из вӧв* «ни еды, ни одежды – ничего не было» и т.д. (КПГ: 24, 34, 39, 41, 53).

2.2. Основа *нӧм*. Более убедительной выглядит версия, связывающая угорские отрицания с элементом *-нӧм* в составе коми слова *нинӧм* «ничто, ничего». Согласно этой версии, венг. *net* ~ об.-угор. *nēt* ~ перм. *-net* восходят к неопределенному местоимению, образованному от уральских указательной (**nä*) и вопросительной (**mi*) основ по схеме: «то» + «что» → «что-то». Позже угорское местоимение в предложениях с отрицательным глаголом приобрело свое нынешнее значение: в венгерском стало отрицательным словом («что-то» → «ничто»), в обско-угорских – префиксом отрицательных местоимений. Что касается пермских соответствий, то они получили отрицательную коннотацию под влиянием русской отрицательной частицы *не-* (MEsz: 465).

Из этого, однако, следует, что древнее, по крайней мере, финно-угорское неопределенное местоимение **net* «что-то» сохранялось в коми языке вплоть до встречи коми с русскими, хотя в пермских языках к тому времени уже существовал вполне сформировавшийся разряд неопределенных местоимений с частицей *-кӧ* ~ *-ке* < общеп. **kv* (Федюнева 2008: 296-297): коми *мыйкӧ* ~ удм. *маке* «что-то» и т.д.

Далее, после заимствования русской отрицательной частицы местоимение **нӧм* «что-то», по версии, изложенной выше, должно было попасть

под общий процесс формирования отрицательных местоимений по русской модели: «*не* + вопросительное местоимение». Однако в данном случае отрицательный префикс, причем с *и*-овой, а не *е*-овой, как вся парадигма (*некод*, *некин*, *некутишӧм*, *некор*, *некӧн* и т.д.), огласовкой, был присоединен к неопределенному местоимению.

Кроме нетривиальной структуры, обращает на себя внимание обособленность слова *нинӧм* в дейктической системе в целом. Оно выпадает из системных связей вопросительных, неопределенных и отрицательных местоимений, связанных семантическими отношениями «известное – неопределенное – неизвестное», вроде рус. *кто – кто-то – никто, что – что-то – ничто, какой – какой-то – никакой* и т.д. Эта системность определяется типологией образования вторичных местоимений от первичных и наблюдается во многих языках мира, в том числе пермских, напр., коми: *код* «кто» – *кодкӧ* «кто-то» – *некод* «никто», *кор* «когда» – *коркӧ* «когда-то» – *некор* «никогда» и т.д.

В нашем случае системная структурно-семантическая связь должна была бы быть представлена следующим образом: *мый* «что» – *мыйкӧ* «что-то» – *немый «ничто». Вместо этого на месте последнего компонента мы имеем этимологически «тёмное» слово, тогда как в коми-пермяцком и удмуртском языках триада выглядит вполне тривиально: кп. *мый* «что» – *мыйкӧ* «что-то» – *немый* «ничто»: кя. *оз баит н'имай* «не говорит ничего»; *из с'уй н'имай* «не ел ничего»; соотв. удм. *мар – марке – немар, номыр; ма – маке – нема* «ничто».

Особое происхождение *нинӧм* отметили авторы КЭСК, предположив, что оно связано с диалектным словом *нымӧн* «едва, чуть, кажется, как будто» (< общеп. *нит «чуть, мало»), т.е. *ни-нӧм* первоначально означало «ничуть» (КЭСК: 196). Однако эта версия не объясняет несистемности образования не от вопросительного местоимения (как, напр., кп. *не-мый*, кя. *не-муй*), а от самостоятельного слова, наречия.

Это наводит на мысль о неисконном его происхождении, что требует отдельного изучения. Отмечу лишь, что коми слову *нинӧм* (> *нем*), особенно его диалектному варианту кз. вым. *ни-мӧн*, иж. *ни-мен*, есть поразительно похожие отрицательные слова в чувашском (*ни-мӗн*, *ним* «ничто, ничего»), марийском (*ни-мом* «ничего» < акк. *нимо* «ничто») и саамском (*ни-мэн* «ничего» < ген. акк. *ними* «ничто») языках. Они образованы стандартно, по русской модели (рус. *ни-* + исконное вопросительное местоимение «что»), и только коми имеет «темную» структуру.

Предположение о неисконном происхождении слова *нинӧм* и его последующей редукции в *нем* в коми языке не позволяют реконструировать

специальное отрицательное слово *м*-овым анлаутом для финно-угорского, а только (возможно) для угорского праязыка¹.

3. Удм. частица *но- ... (но)*.

Отрицательные местоимения в удмуртском языке часто сопровождаются дополнительной усилительной частицей *но*, которая в составе отрицательного предложения усиливает степень отрицания, напр., *нокин öз лыкты* «никто не пришел», *нокин но öз лыкты* «и никто не пришел».

Конструкция носит следы тюркского влияния. Как известно, в тюркских языках нет отрицательных местоимений, их значения передаются сочетанием вопросительных и неопределенных местоимений с отрицательной формой глагола, которые часто сопровождаются усилительными частицами, напр., узб. *хеч ким келмади* «никто не пришел, букв. совсем кто не пришел»; тур. *hiç kimes gelmedi* «никто не пришел, букв. совсем кто-то не пришел». Также с участием усилительных частиц (*та, те/да, де*) строятся отрицательные предложения в чувашском и татарском языках, напр., чув.: *нихсан та шофер пулман* «я никогда не был шофером»; *эпе ништа та каймастай* «я никуда не пойду»; *въл ништа та сук* «нигде его нет», где *ништа* «нигде», *сук* «нет, не имеется»; *нимён те сук* «ничего нет»; *нистан та мар* «ниоткуда» и т.д.

Нет сомнения, что в удмуртском языке конструкции с постпозитивной усилительной частицей *но* появились под татарским влиянием (об этом: Серебренников 1971). Однако, учитывая, что в чувашском, как и в пермских языках, сформировался разряд собственно отрицательных местоимений с русской приставкой *не-*, наиболее близкими оказались конструкции удмуртского и чувашского языков, ср.:

удм.	чувашский
<i>нокин но</i> «никто»	<i>никам та, нихйи те</i> «никто»
<i>номыр но</i> «ничто, ничего»	<i>нимён те, ним те</i> «ничто», «ничего»
<i>нокытын но</i> «нигде»	<i>ништа, ништа та</i> «нигде»
<i>ноку но</i> «никогда»	<i>нихсан та</i> «никогда» и т.д.

¹ Отмечу попутно, что происхождение обско-угорского префикса в отрицательных местоимениях остается также неясным. Есть мнение, что он сформировался на базе заимствованного из коми отрицательного слова *нем* «ничто». Э. Вертеш считает возможным объяснение исходя из собственных ресурсов, путем переразложения (Основы 1974: 295; Vértés 1967: 230–231; Майтинская 1982: 130 и др.). В пользу особого происхождения обско-угорского префикса говорит также то, что он присоединяется не к вопросительным основам, как в пермских и марийском языках, а к неопределенным, как в прибалтийско-финских, напр., хант. *нем-мотты* «ничто» (< *мотты* «что-то»); манс. *нэм-хотъют* «никто» (< *хотъют* «кто, кто-то») и т.д. Возможно, угорские отрицательные основы с финальным *-м* имеют отношение к упомянутому самодийским отрицаниям.

Сопровождающая удмуртские отрицательные местоимения частица *но* считается исконной. Обычно ее сравнивают с коми выделительной частицей *нӧ* «ведь, же, разве». Б.А. Серебренников писал, что коми *нӧ* «не имеет соответствий в удмуртском языке. Происхождение ее не ясно», однако позже пришел к выводу, что она родственна удмуртской *но*, которая подверглась функциональному влиянию тюркских языков и стала сильно отличаться от коми (Серебренников 1964: 377; 1971: 190). Несмотря на различие в функциях, К.Е. Майтинская считает, что они восходят к общему источнику – **и*-овому указательному местоимению, и первоначально имели более широкое употребление (Майтинская 1982: 126).

В самом деле, в современном коми языке частица *нӧ* имеет два четко выраженных значения: 1) в постпозиции к вопросительным местоимениям усилительное значение: *кыдз нӧ* «как же?», *кутиӧм нӧ* «какой все же?», *кӧн нӧ* «где же?» и т.д.¹ и 2) в косвенно-вопросительных предложениях значение «разве», «ли», «оказывается»: *тайӧ нӧ тэ?* «это ты, что ли?!», *ме нӧ мыйӧн тӧда?* «я-то почему знаю?!» (Попова 1999, 2012; Лудыкова 2000).

Удмуртская частица отличается и по семантике, и по функциям. Она употребляется 1) для усиления отрицания в отрицательных предложениях, напр., *инмын одӥг кизили но ӧвӧл* «на небе нет ни одной звезды», 2) для усиления утверждения вроде *мон но отын вал* «и я там был», 3) для emphaticкого выделения слова или словосочетания: *война бырем бере но витии* «после окончания войны еще ждала». Эти функции, отсутствующие у коми «соответствия», полностью совпадают с функциями татарской частицы *да/де* (Серебренников 1971: 190).

Влияние татарского языка на удмуртский в целом и на формирование отрицательных местоимений в частности очевидно. Об этом свидетельствует не только рассмотренная семантическая калька конструкции с усилительной частицей, но и структурное калькирование в некоторых удмуртских диалектах. Так, напр., удмуртские местоимения *ок-кин* «никто», *ок-кытын* «нигде» и т.д. образованы по модели татарских местоимений с отрицательной приставкой *ber-* < *ber* «один». Элемент *эсь-* в составе сложной приставки *эсьно-*: *эсьно-кин* «никто» также считается тюркским заимствованием (Кельмаков 1998: 140).

Сокращения

Языки: *венг.* – венгерский, *вепс.* – вепсский, *кар.* – карельский, *кз.* – коми-зырянский, *кп.* – коми-пермяцкий, *кя.* – коми-язьвинское наречие, *мокс.* – мокша-мордовский, *манс.* – мансийский, *мар.* – марийский (*мар. Г.* – горно-

¹ Ср. мордовскую частицу *на*, которая обладает «четким усилительно-выделительным значением», напр. мокс. *козы-на* «куда же», *кодама-на* «какой же» (Майтинская 1989: 210).

марийский; *мар. Л.* – лугово-марийский), *морд.* – мордовский (*морд. М.* – мокша-мордовский; *морд. Э.* – эрзя-мордовский), *рус.* – русский, *тат.* – татарский, *удм.* – удмуртский, *фин.* – финский, *хант.* – хантыйский, *чув.- чувашский*, *эст.* – эстонский.

Диалекты пермских языков: *бес.* – бесермянское наречие удмуртского языка, *вв.* – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, *вым.* – вымский диалект коми-зырянского языка, *иж.* – ижемский диалект коми-зырянского языка, *кукм.* – кукморский говор п. диалекта удмуртского языка, *нч.* – нижнечепецкие говоры северного наречия удмуртского языка, *скр.* – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка, *сс.* – среднесысольский диалект коми-зырянского языка, *уд.* – удорский диалект коми-зырянского языка, *уд. (Ваш.)* – вашский говор удорского диалекта, *уд. (Мез.)* – мезенский говор удорского диалекта.

***

ВВД – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка // Историко-филологический сборник : тр. Ин-та ЯЛИ АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар, 1966. – Вып. 10.

Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск, 1998.

Лудыкова В.М. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в коми языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов : сб. статей. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2000. – С. 114–121.

Лудыкова В.М., Федюнева Г.В. Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков. – Сыктывкар, 2003.

Лыткин В.И. Коми кывлӧн историческӧй морфология. – Пермь; Сыктывкар, 1995.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М.: Наука, 1979.

Майтинская К.Е. Местоименные и служебные слова // Финно-волжская языковая общность. – М.: Наука, 1989.

Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. – М.: Наука, 1982.

Основы – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974.

Попова Э.Н. Присоединение в современном коми языке // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : сб. научных статей. – Сыктывкар, 1999. – С. 151–156.

Попова Э.Н. Частицы как показатели связи в коми языке // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания : сб. статей на материалах XIII Международного симпозиума. – Сыктывкар, 2012. – С. 168–172.

Серебрянников Б.А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Наука, 1963.

Серебрянников Б.А. Об одном тюркизме в финно-угорских языках Волго-Камья // Советское финно-угроведение. – 1971. – № 3. – С. 188-192.

ССКЗД – Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / отв. ред. В.А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1961.

Федюнева Г.В. Северно-русское чо-нинабудь, како-нинабудь // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – СПб., 2008а. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 245–248.

Федюнева Г.В. Первичные местоимения в пермских языках. – Екатеринбург, 2008.

Федюнева Г.В. Указательные местоимения и их производные в пермских языках. – Сыктывкар, 2007.

MEsz. – A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár. III / főszerkesztő Lakó György, szerkesztő Rédei Karoly, K. Saléva. – Budapest: Akadémiai Kiadó. 1978. – 727 s. – S. 464–466.

Vértes E. Die ostjakischen Pronomina / E. Vértes. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. – 272 s.